

значительное изменение прагматического смысла всего вышестоящего РА (к примеру, просьбы), является показателем взаимодействия разных уровней речи и заслуживает пристального рассмотрения как исключительно сложный процесс с учётом дихотомии «маркированность/ немаркированность» иллокуции РА.

ЛИТЕРАТУРА

1. Afonin S. (2011): Die Distanzanrede im modernen Deutschen und Russischen: Eine kontrastiv-pragmatische Analyse empirischer Daten. Frankfurt am Main. 2011. – 342 S.
2. Гольдин В.Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов, 1987.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
4. Кронгауз М. А. Обращение как способ моделирования коммуникативного пространства. // Н.Д. Арутюнова, И.В. Левотина Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М. – 163-187.
5. Levinson S.C. Pragmatik. – 3. Aufl./ neu übers. von Martin Wiese. Tübingen. 2000. 476 S.
6. Luthe H.O. Distanz. Untersuchung zur einer vernachlässigten Kategorie. München, 1985.
7. Haase M. Respekt: Die Grammatikalisierung von Höflichkeit. München.
8. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база данных. М. 2013. – 192 с.
9. Якобсон Р. Избранные работы. М. – 455 с.

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

Вавринюк Татьяна Ивановна

(Кривой Рог, Украина)

Наличие устойчивых сочетаний, как одной из определяющих особенностей сказочного текста, привлекало внимание многих исследователей. В частности, проблеме изучения фразеологии сказки, в том числе и так называемых сказочных формул (инициальных, медиальных и финальных), посвящены труды В. И. Хоменко, В. Я. Проппа, Н. Рошияну, О. И. Никифорова, Е. М. Ведёрниковой, А. Ю. Брициной, Л. Ф. Дунаевской, Е. К. Павленко и другими учеными. В контексте народной сказки исследователи выделяют два

типа фразеологических единиц: собственно сказочные формулы, основной функцией которых является композиционно-конструктивная, и устойчивые сочетания образно-экспрессивного характера – общенародные фразеологизмы.

Среди устойчивых образований композиционно-конструктивной группы мы выделяем внутренние медиальные формулы, которые являют собой типичные высказывания сказочных героев; это тот «готовый» материал, которым пользуется рассказчик при построении повествования и который даёт ему возможность сосредоточиться для дальнейшей импровизации.

Формулы-высказывания сказочных героев привлекают наше внимание в первую очередь как лексико-грамматические единства с контекстуальной обусловленностью употребления и способностью автоматически воспроизводиться в языке. Характерная особенность семантико-синтаксической организации формул заключается в том, что последние часто образуют диалоги между персонажами сказки. Так, например, выясняют цель встречи:

а) герои и их антагонисты: *«Ну, – пита, – за чим, добрий молодцю, зайшов? Чи будем биться, чи мириться?» – «Не за тим добрий молодець ходе, щоб мириться, а з тим, щоб биться» («Чабанец»).*

б) герои и их помощники (или в определенном смысле нейтральные персонажи): *Поздрастуваяся царевич, а відьма його й питає: «Чого сюди зайшов, чи по волі, чи по неволі?» – «Ні, – каже царевич, – я козак не без долі, зайшов сюди по неволі» («Іван-царевич і залізний вовк»).*

Формулы-высказывания, как правило, представляют собой вопросительно-ответный тип фразеологических диалогических единств. Реализованная в таких единствах схема «вопрос – ответ» является стилистическим сказочным приемом перехода от авторского повествования к конкретному действию героев в конкретной ситуации (ведь ответ заранее определен типом персонажа и его функцией).

Диалогические единства также образуют реплики повествовательного коммуникативного типа, первая из которых являет собой вариативное устойчивое сочетание, а вторая конкретизирует, дополняет смысл первой

реплики-стимула и является достаточно произвольной. Так, для фантастической сказки типичным является диалог, который сопровождает процесс воскресения героя. Например: *«Як я дуже заснув!» А ведмідь: «Заснув ти добре, так би твоя сестра заснула»* («Іванко – цар звірят»); ... *ожив і каже: «Ах, мамо, як я дуже довго спав!» – «Синку мій, – каже вона, - ти був неживий!»* («Іван Богданець»).

Таким фразеологическим диалогическим единствам свойственна более слабая семантико-синтаксическая спаянность сравнительно с вопросно-ответным типом единств. Примечательно, что формульность второй реплики такого диалога между героем и его помощниками достаточно условна. В сказках с разными сюжетами она употреблена вариативно, передаёт при этом общее содержание суждения.

Кроме фразеологических диалогических единств, сказочные формулы реализуются в речи персонажей в виде единичных предложений, которые могут выступать как отдельные высказывания того или иного героя или входить в его импровизированную речь, образуя при этом одну реплику. Например: *Старик одчинив йому: **Слихом слихати, превеликого багатиря, Івана Богданця І вічі видати !*** («Іван Богданець»); *«Іди, – каже до лакея, – скажи йому, що хоч він і на кораблі прилетів, а як не добуде води живущої й цілющої, поки люди пообідають, то не то що царівни не віддам, – а оце меч, а йому голова з плеч!»* («Летючий корабель, ГФК»); *Він того чорта хотів забити, а чорт проситься у нього: «Ей, Іван-Вітер ! Не стріляй в мене, я тобі колись у пригоді стану»* («Іван-Вітер»).

Формульные высказывания героев, организованные за моделью предложения, могут использоваться как в целостном, так и в усечённом виде. Например: *«Там Соловей-розбойник сидить, там ні птиця не пролітає, ні звір не пробігає»* («Ілля Муромець та Соловей-розбойник»). *«Так стеріг, що мимо й птиця не пролітала», – говорить* («Іван-мужичий син»).

Следовательно, сказочные формульные сочетания в составе конструкций с прямой речью отличаются таким же относительным постоянством

компонентного состава и структуры, как и любые устоявшиеся словесные комплексы сказочного характера. Повествователь-сказочник использует эти формулы для конструирования реплик персонажей с определенным диапазоном варьирования этих формул, которое дает возможность выбрать наиболее целесообразный вариант, приспособить его к контексту.

Формульные высказывания сказочных героев связаны с функциями этих героев в определенном сюжете. Например, могущество главного героя или его антагониста подчеркивает описание ситуации, когда конь того или иного персонажа пугается (спотыкается или падает на колени). После этого обязательно следует реплика, например, в сказке «Іван-мужичий син»: *«Стій, не чмихай, проти нашої сили нема ні чого»*. В другом случае можем иметь такой вариант: *«Що ти, – каже, – коню мій, спотикаєшся?»*(«Казка про Солов'я-розбійника і про сліпого царевича»). В таких репликах передается лишь идея сказочного фразеологизма.

Сказочные формулы и в целостном, и в трансформированном воспроизведении играют важную роль в моделировании высказывания того или иного персонажа, придавая сказочному повествованию в целом особенную стилистическую окраску.

Устойчивые соединения образно-экспрессивной группы (а это, как правило, разговорно-бытовые фразеологизмы) в речь персонажей сказки включаются редко сравнительно. Это объясняется тем, что прямая речь во всех своих структурных формах является лишь средством воссоздания хода событий, изображаемых в сказке, и отличается упрощенной фразой (кроме единичных стилистически обусловленных случаев). Образно-экспрессивные фразеологизмы преобладают в конструкциях с прямой речью в социально-бытовых сказках.

Разговорно-бытовые фразеологизмы, среди которых выделяются фразеологические метафоры народного характера [1, с. 142], выполняют в конструкциях с прямой речью образно-экспрессивную и оценочную функции, усиливают высказывание, придают высказыванию юмористических оттенков.

Важна також їх композиційно-конструктивна роль в моделюванні казочних діалогів. Метафористическі фразеологізовані порівняння побудовані на сопоставленні вільного і фразеологічного поєднань. Наприклад: *Продав вола, а жінка нарікає: «Ти такий нездалий, що тебе обдурили. У голові в тебе – як у дрантивім решеті». – Чоловік розсердився: «Говориш, як з гарячки!..»* («Про дурних багачок»).

Формально виражені фразеологізовані порівняння в речі персонажів казки виступають в якості домінуючого признака створення експресивності. К фразеологічним метафорам народного характеру відносяться також метафорическі описательні конструкції.. Наприклад: *«Та схватилась колачева туча і розігнала весь ярмарок: того калач ударить по спині, а того по голові уріже так, що аж свічки в очах засвітяться»* («Про того чоловіка, що купив жінці таку куртку, як пані носить»); *«Правда ваша, газдо, – озвався на це вїт. – Торік у мене миші отак само січкарню – на дрібний мак посікли!»* («Як миші плуга з'їли»).

Ще один тип фразеологічних одиниць, які мають ядро виражений образно-експресивний відтінок, – це фразеологіческі образні обобщення народного характеру – прислів'я і поговори. В окремих випадках вони включаються в речі казочних персонажів як образно-обобщене висловлювання. Наприклад: *«А що, ж я хїба у Бога теля з'їла, чи що?»* («Як лев утонув у колодязі»); *«Е, ні ,дідося! Це не яблучко з яблуньки зірвати: добре – з'їв, а недобре кинув: мені треба з нею вік коротати»* («Морський цар»); *А далі виступив паперід бегемот і каже: «А що я не вродливий, так це поміхою не довжно бути: з лиця води не пить...»* («Звірі під пануванням лева»).

Подобні фразеологіческі образні обобщення народного характеру можуть бути покладені в основу сюжету той або іншої казки. В таких випадках текст казочного розповіді є своєобразним втіленням ідеї фразеологізма, його аллегорическої трактовки. Прикладом можуть послужити казки: «Правда та кривда», «Господиня і рак», «Гуска і риба», «Казка про молоду рибу і пана боба», «Спас і оводи» та ін. Прислів'я і поговори в подобних казках

выступают в качестве морализованного вывода, что приближает сказку к жанру басни. Например: *От того, дітоньки, пішла в нас приповідка: «Пішов, як рак по дріжджі»* («Господиня і рак»); *Треба тікати, бо не даром сказано: «Прийде Спас, то держи рукавиці про запас!»*.

В предложениях прямой речи в структуре украинской народной сказки встречаются фразеологизмы образно-экспрессивной группы, употреблённые в трансформированной форме. Полифункциональная природа фразеологизма позволяет при необходимости расширить или сократить его компонентный состав, заменить определенный компонент другим словом: *«А я, – каже Бух Копитович, – можу його своїм кулаком розбити. Розсипеться він на дрібен мак»* («Про богатира Буха Копитовича»). Принято говорить: *розсипатися на порох (на прах, порохом, прахом)* [7, с. 758].

Еще пример: *Як же нам не плакати, як не журитися, – загомонила діброва, – та ж нашого ворога безлік, положила буйні верхи (загальноживане: зложити (покласти) голову)* [7, с. 338]. Прослеживается системная связь между традиционным компонентом и нововведённым: замена состоялась в результате персонифицированной синонимии между ними. Кроме того, традиционный фразеологизм приобрел расширенную форму в результате включения в его состав определений: эпитетное определение *буйные* усиливает экспрессивность фразеологизма, придавая высказыванию сказочного персонажа торжественности, возвышенности; постпозитивные определения *наши, молоденькие* как тип фольклорно-эпического словопорядка подчеркивают жанровое своеобразие сказки.

Распространенным приемом стилистического использования общепринятых фразеологизмов в речи сказочных персонажей является расширение компонентного состава этих стойких сочетаний. Усложняя традиционную форму фразеологизма, нововведенные слова конструктивно оправданы: они создают условия для гармоничного включения этих оборотов в общий контекст. Например: *«Як же ти, куме, думаєш показатися жінці на*

очі?» – питає кум й глузує над ним («Про чоловіка, що проміняв волів на калитку»); «*Ні, сестро, гарно там жити, де нас нема*» («Де ліпше жити»).

Гибкая природа фразеологизированных сочетаний позволяет повествователю-сказочнику не только изменить их компонентный состав, но и переосмыслить их в целом, придать другое значение. Рассмотрим примеры: *Поробиши усе, так віддам за тебе дочку, а не поробиши, так загубиши свою голову, і поїзд твій тут увесь поляже* («Іван Голик і його брат»).

Традиционно словосочетание *втратити (загубити, стратити) голову* употребляется в двух значениях: 1) оказываться неспособным осмысленно действовать, вести себя; 2) безрассудно влюбляться у кого-нибудь [7, с. 159–160]. В вышеприведенном высказывании сказочного героя фразеологизм *потерять свою голову* имеет значение *умереть*. Смысл этого фразеологизма становится более выразительным благодаря синонимическому смежному предложению *І поїзд твій тут увесь поляже*, в котором имеет место усечённый вариант устоявшегося высказывания *полягати (лягти) головою*.

Повышенную экспрессию приобретают реплики сказочных персонажей, в которых воспроизводятся несколько традиционных формул общенародного характера. Например: *Тоді Іван скипів та до царя: «Коли ти мені будеш за мою добрість так платити і так слово своє ламати, то я й тебе, і весь твій рід одним махом зі світу зведу!»* («Іван-мужичий син, ГФК»).

Наличие видоизмененных традиционных формул в репликах сказочных персонажей свидетельствует о неограниченных возможностях стилистического использования фразеологизмов в языке. Метафоричность большинства фразеологизмов, тяготение к гиперболизации определяют их экспрессивность, которая распространяется на текст повествования в целом. Общенародные фразеологизмы вносят в речь сказочных героев эмоциональность, национальную колоритность, гумористические оттенки, а сказочные фразеологизированные формулы выдерживают эту речь в параметрах соответствующего стиля.

Заметим, что язык сказки не только содержит традиционные жанровые формулы и фразеологизмы живого народного языка, но и служит источником пополнения общеязыковой фразеологии. Исполняя в сказке в основном конструктивно-композиционную роль, собственно сказочные фразеологизмы при перемещении во внежанровые контексты становятся выразительным средством создания образов.

Литература

1. Баранник Д. Х. Усний монолог / Д. Х. Баранник. – Дніпропетровськ : ДДУ, 1969. – 142 с.
2. Бріцина О. Ю. Українська народна соціально-побутова казка : Специфіка та функціонування / Олександра Юріївна Бріцина. – К. : Наук. думка, 1989. – 151 с.
3. Ведёрникова Н. М. Русская народная сказка / Наталья Михайловна Ведёрникова. – М. : Наука, 1975. – 135 с.
4. Дунаєвська Л. Ф. Українська народна казка / Лідія Францівна Дунаєвська. – К. : Вища школа, 1987. – 127 с.
5. Пропп В. Л. Русская сказка / Владимир Яковлевич Пропп. – Ленинград : ЛГУ, 1984. – 335 с.
6. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки / Николае Рошияну. – М. : Наука, 1974. – 215 с.
7. Фразеологічний словник української мови. – К. : Наукова думка, 1993. – Т. 1–2. – 980 с.
8. Хоменко В. И. Фразеологический состав украинских народных сказок, записанных на Полтавщине : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. И. Хоменко. – К., 1961. – 19 с.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ В РАЗВИТИИ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Варгова Зузана

(Нитра, Словакия)

V posledných desaťročiach sa kognitívne vedy stali jednou z najprogressívnejšie rozvíjajúcich vedeckých oblastí, pričom vzhľadom na ich interdisciplinárny charakter je veľmi náročné jednoznačne definovať pole pôsobnosti a pojmový aparát. Zo všeobecného hľadiska pojem *kognícia* predstavuje súhrn všetkých mentálnych štruktúr ľudského vedenia a poznávania, od vnímania a správania sa, až po reč a myslenie [Bednáriková 2013: 7]. Skúmaniu a analyzovaniu kognitívnych procesov sa venujú aj iné vedné odbory ako filozofia, psychológia, neurovedy, lingvistika